

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ В 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРИХОДОВ СЕЛ ТРОЕЛЬГА И ЛЕНСК КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Аннотация: В 1930-е годы Русская Православная Церковь испытывает огромное давление со стороны государства, которое вынуждает ее приспособляться к новым условиям. В данной статье автор описывает административно-репрессивные меры советского государства против духовенства храмов сел Троельга и Ленск, а также дает юридическую и этическую оценку процессу закрытия храмов в указанных приходах. Статья посвящена обобщению материала рассмотренных дел, выявлению особенностей в действиях местных властей по закрытию церквей. На основе анализа архивных материалов можно выделить различные меры, применяемые для закрытия храмов: атеистическая пропаганда среди сельского населения, высокие страховые сборы, изъятие церковного имущества и т.п.

Ключевые слова: Православная Церковь, антирелигиозная политика, закрытие храмов, архивные документы, репрессии.

Цитирование: Попов Н.А. Региональная политика Советского государства в отношении Церкви в 1930-е гг. (на примере приходов сел Троельга и Ленск Кунгурского района Пермского края) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 4 (25). С. 145–155.

Сведения об авторе: Попов Николай Андреевич, студент четвертого курса отделения священно-церковнослужителей Пермской духовной семинарии (Россия, Пермь). E-mail: popoff.nickol@yandex.ru

Сведения о научном руководителе: священник Алексей Леонидович Паркачев – кандидат богословия, заведующий кафедрой богословских и богослужебных дисциплин Пермской духовной семинарии (Россия, Пермь). E-mail: permseminaria@gmail.com

Поступила в редакцию 15.12.2022

Принята к публикации 23.12.2022

Особое место в государственно-конфессиональных отношениях занимает период 1930-х годов, когда советские власти проводили в отношении Церкви жестокую репрессивную политику.

Основа репрессивной политики была заложена еще в 1917 году, когда, совершив переворот, а затем, одержав победу в гражданской войне, власть в стране захватили представители партии большевиков. Важным элементом их идеологии был атеизм и борьба с религией [1, с. 78]. Уже в первые годы советской власти Православная Церковь испытывала на себе давление со стороны большевистского государства. Формировались специальные партийные органы, призванные проводить антирелигиозную политику. Так в 1922 г. была создана Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б).

Одной из причин активизации гонений на Церковь в начале 1930-х гг. стала политика принудительной коллективизации, которая, по мнению советской власти, могла быть успешно проведена только в случае закрытия в сельской местности Церквей и ареста духовенства [2, с. 17].

Закрытие храмов происходило в рамках советской «законности» – на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» обязательно при добровольно-принудительном согласии трудящихся. Реально на практике использовались практически только административные меры – высокие страховые сборы, изъятие церковного имущества и т.п.

Основу источниковой базы составили раннее неопубликованные документы Государственного архива Пермского края. В Фонде 1205, дело 316, описан процесс закрытия Вознесенской Церкви села Троельга. В этом же фонде, в деле 324, содержится информация, касающаяся непосредственно процесса закрытия храма в селе Ленск, а дело 297 помогло нам узнать политику местной власти по отношению к духовенству Троельжанского храма.

Научная новизна работы заключается в том, что в научный оборот были введены новые архивные документы, проведена систематизация сведений, касающихся антирелигиозной политики светского государства по отношению к Церкви.

Процесс закрытия церкви в селе Троельга начинался с протокола № 50 Общего собрания Юмышенского сельского хозяйства Троельжанского сельсовета Кунгурского района от 12 октября 1935 г. Из 112 человек, имеющих право голоса, на собрании присутствовало 73. Повесткой дня этого собрания было закрытие церкви в честь Вознесения Господня в с. Троельга [5, с. 6]. Уполномоченный Ваганов Борис Владимирович зачитал всем присутствующим доклад о необходимости переоборудования храма в среднюю школу, ссылаясь на то, что нынешнее здание неудобное, в связи расширением классов, и поэтому нужен переезд в более просторное помещение. В итоге собрание постановило единогласным решением церковь закрыть и передать средней школе.

На следующий день, 13 октября слушания по закрытию проходили в Заборском сельском хозяйстве, из общего числа 34 домов явилось на собрание 16 мужчин и 18 женщин. Но вот что интересно, на этом собрании также присутствовали раннее упомянутый уполномоченный Ваганов, председатель Троельжанского сельсовета товарищ Дудин и председатель сельского хозяйства Заборских Матвей Васильевич [5, с. 10]. Вероятно, их присутствие было связано с тем, что на этом собрании повесткой дня было не только закрытие храма, но также ходатайство об освобождении колхозников, находящихся в местах лишения свободы. Речь на собрании шла о том, чтобы направить характеристики в места заключения. И скорее всего, этому вопросу было уделено главное внимание, что повлияло на результаты голосования по вопросу закрытия церкви, так как из всех присутствующих «против» закрытия проголосовало 4, «за» – 30.

Далее собрания происходили в следующих сельских хозяйствах: 23 октября в Сеницынском, где из 40 собравшихся все

единогласно проголосовали за закрытие, 27 октября в Вачегинском, там не было единогласного решения, из 85 собравшихся за закрытие проголосовало 65 человек. Возможно, что на собрании в селе Сеницынском местные власти акцентировали внимание на страховании жизни колхозников [5, с. 16].

Из архивного материала о закрытии Вознесенского храма с. Троельга интересен протокол № 35 общего собрания Верхнего Шивлянского сельского хозяйства Троельжанского сельсовета от 27 октября 1935 г., на этом собрании присутствовали 59 человек и повесткой было также закрытие храма, и вот что интересно, после доклада председателя сельсовета выступил дьякон Троельжанской церкви, который объявил народу о том, что он снимает сан дьякона, так как устал одурманивать народ и хочет заняться честным физическим трудом. Это очень сильно повлияло на мнение народа, поэтому за переоборудование храма под школу, а в случае нехватки денежных средств в клуб, проголосовали все 59 человек [5, с. 18].

В итоге 1 ноября был созван Президиум Троельжанского сельсовета Кунгурского района во главе с Дудиным Сергеем Даниловичем, выслушав все материалы о закрытии Вознесенской церкви, постановили: в связи с огромным культурным запросом на основе проведенной большой разъяснительной работы по закрытию Троельжанской Церкви и использованию ее под культурное учреждение средней неполной школы. Проведение общеколхозных собраний (стоит отметить, что всего было около 10 собраний) с участием 492 членов из общего числа 650, проголосовал за закрытие 421 человек или 85,7 %. На основе абсолютного большинства требование колхозников Троельжанского сельсовета просить президиум Районного Исполнительного Комитета о возбуждении ходатайства перед Областным Исполнительным Комитетом о закрытии Вознесенской церкви и передачи ее под средне-неполную школу.

10 ноября 1935 г. вышло постановление президиума Свердловского Областного Исполнительного комитета, который

постановил: ходатайство Кунгурского райисполкома о закрытии Троельжанской церкви – удовлетворить [5, с. 24].

Дело о закрытии Преображенской церкви в с. Ленск начинается с Постановления Президиума Облисполкома о закрытии Ленского храма от 11 января 1934 г., в котором говорилось о том, что решение о закрытии церкви было обжаловано верующими в Президиум ВЦИК, и поскольку здание не эксплуатировалось под другой культурный объект, церковь оставили в пользовании верующих. Поэтому Районному Исполнительному комитету поручили собрать материалы, которые будут направлены на постановление о закрытии указанной церкви.

Уже 3 февраля 1934 г. Свердловский Областной Исполнительный Комитет постановил: «Ходатайство Кунгурского райисполкома о закрытии церкви удовлетворить в силу того, что, во-первых, вокруг вопроса о закрытии церкви и переоборудования здания под общежитие школы крестьянской молодежи, клуб и столовую среди трудящихся была проведена достаточная массовая разъяснительная работа. Во-вторых, нужда в большом в хорошем помещении для организации культурного очага в с. Ленск действительно велика: выстроенный недавно клуб не удовлетворяет запросов, так как постройка носит сезонный характер и мала по площади, ученики ШКМ не имеют общежития и живут разбросанно в отдельных домах колхозников. В-третьих, интересы верующих с закрытием Ленской церкви не пострадают т.к. близко имеется целый ряд культовых зданий» [4, с. 9].

Дальнейшие архивные материалы повествуют о последующей истории Преображенского храма. В начале 1937 г. в газете «Уральский рабочий» выходит статья о деятельности Кунгурского облисполкома в отношении Ленской церкви. В этом материале было представлено следующее: *«В Ленском сельсовете Кунгурского района в 1934 г. была закрыта церковь. Актив сельсовета при проведении вопроса закрытия на требования колхозных масс обещал использовать церковь под культурное*

учреждение (школа, клуб), но последняя до настоящего времени не используется, пустует. Тогда как в Ленске, помещение, которое приспособлено под школу, не соответствует требованиям. В 1936 г. областью было отпущено на оборудование в бывшую церковь – школу и клуб 70 тысяч рублей, но Кунгурский райисполком деньги использовал по другому назначению, а в Ленск не было отпущено ничего. Одним из планов на 1937 г. в Ленском сельсовете было предусмотрено переоборудование церкви под культурное учреждение и райисполком этот план утвердил, выделив из районного бюджета средства, но денег также не было отпущено, а заменено снова решением президиума РИКа отпустить 20 тысяч рублей для оборудования школы, этим дело заканчивается, а церковь пустеет. Массы недовольны в том, что храм никем не используется» [4, с. 12].

После публикации этой статьи Президиум Центрального Исполнительного Комитета направил Свердловскому Облисполкому лист о немедленном уяснении причины неиспользования здания бывшего храма под культурно-просветительные цели. Так как церковь пустеет, это служит активизирующим церковникам стимулом для открытия ее и передачи верующим. Центральный комитет просил разрешить вопрос с наибольшей скоростью, потому что халатность местных властей публикуют уже в газетах [4, с. 13].

Сразу же после письма ВЦИК Свердловский облисполком направил свой лист, в котором говорилось о срочном сообщении Кунгурского Райисполкома о использовании здания бывшей церкви в с. Ленск, сколько было затрачено средств на переоборудование. Какие меры приняты к переоборудованию здания, с указанием отпускаемых средств и источников финансирования. Ответное сообщение поступило через несколько дней. Местный Райисполком отвечал, что Преображенская церковь действительно не переоборудована под культурно-просветительные цели, для использования под «Дом Культуры» церкви требуется

70 тыс. рублей, а по бюджету Облисполкома району утверждено на дома культуры с содержанием и оборудованием 45 тыс., которые были распределены для оборудования Кыласовского и Юго-Осокинского домов культуры. Для Ленской церкви просили утверждение Облисполкома 70 тыс. рублей, но этот вопрос так и не был разрешен [4, с. 16].

Храм так и не переоборудовали ни под школу, ни под клуб, так с 1937 г. по 1949 г. в здании было зернохранилище, в 1949–1952 гг. размещалась в здании церкви храма Ленская машинно-тракторная станция, а с 1952 г., до возвращения храма верующим в 1982 г., располагался молокозавод. За все эти годы храм, у которого был один и тот же архитектор, что и у исторического кафедрального собора г. Перми, изменился до неузнаваемости, из-за резкой смены температуры и сильной влажности фрески храма были практически уничтожены, большой колокол и золотые кресты были увезены на переплавку, церковную каменную оградку буквально по кирпичикам растащили в личные хозяйства.

Антирелигиозная политика в селах и деревнях заключалась не только в закрытии храма, но и в репрессивных мерах против духовенства. Репрессии были связаны не только с арестами и смертными приговорами, применялись различные средства, позволявшие создать для духовенства тяжелые условия жизни, в частности, взимались повышенные налоги и накладывались большие штрафы, например, большому сельскохозяйственному налогу, а затем и штрафу, подвергся диакон Троельжанской церкви Головин Андрей Михайлович, так на 1928–29 год налог выражался в сумме 105 руб., 63 коп., в 1929–30 год был начислен уже в 155 руб., 85 коп., в 1930–31 год он составил 445 рублей 84 копейки, хотя не должен был превышать 184 руб. 84 коп., а начиная с 1931 года налог составлял 1328 рублей [3, с. 50]. С чем связано было такое резкое повышение, отец Андрей объяснял тем, что за первые периоды уплаты налога, если он превышает

вышеустановленный предел, то должен засчитываться за следующий год, но, видимо, местный финансовый отдел не учел действительно полученный платеж дьякона и применил к нему невыплаченную сумму в плюс к следующему году. В жалобе Кунгурской районной комиссии по сельхозналогу диакон просил пересчитать ему выплату с указанием всех деталей.

Еще одним доводом повышения налога для священнослужителей стало, как утверждала местная власть, повышение выплаты за службы и требы, например, крещение младенцев от 40 копеек до 70, отпевание от 1 до 2 рублей, и, следовательно, всю прибавку церковники брали себе в карман [3, с. 60]. Но если посмотреть на архивные материалы, то увидим справку Церковного совета Троельжанской церкви, в ней описывалось следующее: «приход наш с 1930 года не увеличивался, а наоборот постепенно уменьшается благодаря отступлению от веры, выселению и добровольному отходу на производство». Далее, смотря на братскую книгу, плата духовенству за службы и требы оставалась прежняя, и никаких увеличений не было. Привлекает внимание еще тот факт, что по братской книге общий доход Вознесенского храма за 1930 год составил 1445 рублей, из которых на священнослужителей выделено 963 (на одного священника и на одного диакона) [3, с. 64], а в этот период уже о. Андрею нужно было выплатить 445 рублей.

15 октября 1931 г. Районная комиссия по сельхозналогу постановила утвердить индивидуальное обложение кулацкого хозяйства Головина Андрея Михайловича, тем самым не стала рассматривать жалобу отца Андрея и справку от церковного совета.

Подводя итог исследования, можно заключить, что с юридической точки зрения процесс закрытия храмов в селах Троельга и Ленск был правомерным, ведь голосовали за закрытие храма колхозники, то есть это было народное волеизъявление, но надо учитывать, что была проведена пропагандистская работа, также государство имело рычаги давления на людей, пример диакона

Троельжанской церкви явно это показывает. Крестьянин, видя, как к церковным служителям и верующим людям применяются такие высокие страховые сборы, изымают имущество, налагают на них штрафы и т.д., конечно, лучше проголосует за закрытие храма, нежели подвергнется репрессиям, следовательно, колхозники попросту боялись стать врагами советской власти.

Литература

1. Беглов, А. Л. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов. – М., 2018. – 315 с.
2. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М., 1999. – 33 с.
3. Материалы по налогообложению Кунгурского духовенства. – ГАПК. – Ф. р. – 1205. – Оп. 1. – Д. 297.
4. Материалы о закрытии церкви села Ленск Кунгурского района. – ГАПК. – Ф. р. – 1205. – Оп. 1. – Д. 324.
5. Материалы о закрытии церкви села Троельга Кунгурского района. – ГАПК. – Ф. р. – 1205. – Оп. 1. – Д. 316.

THE REGIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN RELATION TO THE CHURCH IN THE 1930s (ON THE EXAMPLE OF THE PARISHES OF THE VILLAGES OF TROELGA AND LENSK, THE KUNGURSKY DISTRICT OF THE PERM REGION)

Abstract: In the 1930s, the Russian Orthodox Church was under enormous pressure from the state, which forced it to adapt to new conditions. In this article, the author describes the administrative and repressive measures of the Soviet state against the clergy of the churches of the villages of Troelga and Lensk, and also gives a legal and ethical assessment of the closure process in these parishes. The article is devoted to summarizing the material of the reviewed cases, identifying features in the actions of local authorities to close churches. Based on the analysis of archival materials, it can be distinguished that various measures were used to close churches: atheistic propaganda among the rural population, high insurance fees, seizure of church property, etc.

Key words: the Orthodox Church, anti-religious policy, the closure of churches, archival documents, repression.

References

1. Beglov A. L. V poiskah «bezgreshnyh» katakomb. Cerkovnoe podpol'e v SSSR [In search of “sinless” catacombs. The Church underground in the USSR]. Moscow, 2018, 315 p.
2. Vasil'eva O. Ju. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg. [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow, 1999, 33 p.
3. Materialy po nalogooblozheniju Kungurskogo duhovenstva. GAPK. F.r.1205. Op. 1. D. 297. [Materials on taxation of the Kungur clergy. State Archive of the Perm Region. Foundation R-1205. List 1. Document 297].
4. Materialy o zakrytii cerkvi sela Lensk Kungurskogo rajona.

GAPK. F. r.1205. Op. 1. D. 324 [Materials on the closure of the church of the village of Lensk, Kungursky district. State Archive of the Perm Region. Foundation R-1205. List. 1. Document 324].

5. Materialy o zakrytii cerkvi sela Troel'ga Kungurskogo rajona. GAPK. F. r.1205. Op. 1. D. 316 [Materials on the closure of the church of the village of Troelga, Kungursky district. State Archive of the Perm Region. Foundation R-1205. List 1. Document 316].